

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-1>

И.С. Аксаков о «качественной силе» русского народа

Анатолий Иванович Нарезный

Южный научный центр РАН,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия,
ain@sfnu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0543-2422>

Anatolii I. Nareznyi

Southern Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
ain@sfnu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0543-2422>

Аннотация. Одной из актуальных проблем отечественного общественного самосознания второй половины XIX в. выступает осмысление состояния и перспектив развития русского народа в контексте образования наций и национальных государств в Европе и связанных с этим попыток зарубежных авторов «ранжировать» народности по степени основательности их притязаний на роль государствообразующих, в том числе посредством ассимиляции других народностей. В статье представлен подробный анализ взглядов И.С. Аксакова, основного выразителя идей данной проблематики в славянофильской среде, разделявшего положение о необходимости наличия в государстве ведущей народности, ассимилирующей инациональные группы в его составе, либо способной увлечь своими целями и программами народы, сохраняющие политическую самостоятельность в едином государстве. Публицист определял пределы возможностей русского народа состоянием его «качественной силы» или ассимиляционного потенциала, выделяя в процессе его развития два этапа, обусловленных возможностями реализации важнейшего критерия – успехов в ассимиляции нерусских племен и народов. В эпоху Древней Руси и Московского царства русский народ, по мнению публициста, представлял собой единую общность, верующую в себя и свое историческое предназначение, под влиянием которой другие народности «русели сами собой». Второй, имперский этап публицист оценивает как время негативных изменений в состоянии русского народа, последовавших в результате петровских преобразований: утраты им прежнего единства, проявления у национальной элиты черт «ненародности» и «европейничания», некритического восприятия заграничного опыта и образа жизни. В результате этих изменений русский народ, по мнению Аксакова, во многом утратил свои

© Нарезный А.И., 2022

© Nareznyi A., 2022

ассимиляционные способности, а государство – ранее свойственные ему прочность и единство, что в значительной степени подрывало веру публициста в перспективы существования многоплеменной Российской империи.

Ключевые слова: государство, народ, общество, качественная сила, ассимиляция, факторы влияния, славянофилы, национализм

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

Для цитирования: *Нарежный А.И. И.С. Аксаков о «качественной силе» русского народа // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 3. С. 755–795, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-1>*

Ivan Aksakov on the “qualitative force” of the Russian people

Abstract. One of the urgent problems of the national public consciousness of the second half of the nineteenth century is connected with the comprehension of the state and prospects of the development of the Russian people in the context of the formation of nations and national states in Europe and the related attempts of foreign authors to “range” nationalities according to the degree of thoroughness of their claims to be state-forming, among other things, by means of assimilation of other nationalities. The article presents a detailed analysis of the views of Ivan S. Aksakov, the main spokesman of the thoughts on this problem in the Slavophile environment, who shared the idea that the state needs a leading nationality, assimilating other national groups or capable of attracting the peoples who maintain their political independence in a single state with its goals and programs. The publicist defined the limits of the capabilities of the Russian people by the state of their “qualitative strength” or assimilation potential, highlighting two stages in the process of its development according to the possibilities of implementing the most important criterion – success in assimilation of non-Russian tribes and peoples. According to the publicist, in the era of Kievan Rus and the Tsardom of Muscovy, the Russian people represented a single community that believed in itself and its historical destiny, and under its influence other nationalities “became Russian by themselves.” The publicist assesses the second, imperial, stage as a time of negative changes in the condition of the Russian people, which resulted from the transformations introduced by Peter the Great: the loss of their former unity, the manifestation of the traits of “non-nationality” and “Europeanization” by the national elite, uncritical perception of foreign experience and lifestyle. As a result of these changes, in Aksakov’s opinion, the Russian people largely lost their assimilation capacity and the state lost its strength and unity that had been inherent in it earlier, which undermined Aksakov’s faith in the prospects for the existence of a multi-tribal Russian Empire.

Keywords: state, people, society, qualitative force, assimilation, factors of influence, Slavophiles, nationalism

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the project of the Russian Science Foundation No. 17-78-20117 “National Outskirts in the Politics of the Russian Empire and Russian Public Thought.”

For citation: Nareznyi, A.I. “Ivan Aksakov on the ‘qualitative force’ of the Russian people.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 3 (2022): 755–95, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-1>

Введение

Общественная мысль России XIX в. отразила ряд дискуссионных сюжетов, связанных с осмыслением сформировавшихся в Европе новых подходов в области государственного строительства, возникших под влиянием идеи нации и процессов образования национальных государств. Как отмечает Эрик Хобсбаум, европейские исследователи рассматривали указанные процессы как «особый этап эволюции человечества, его прогрессивного развития от малых групп к более крупным, от семьи и племени – к области, нации и в конечном счете к грядущему объединенному миру». Не меньший их интерес вызывало положение о том, что «обратной стороной медали “нация как порождение прогресса” была – вполне логическим образом – ассимиляция мелких сообществ и народов более крупными»¹, что, добавим мы, придавало ему в конкретно-исторической ситуации XIX века весьма злободневный характер. При этом будем учитывать, что указанный тезис для представителей разных направлений европейской мысли в XIX веке не был не только неприемлемым, но даже спорным. Скорее, он породил мысли о возможности некоего ранжирования европейских народов по уровню их способности к самостоятельному существованию и развитию. Такие попытки обнаруживаются в работах многих европейских интеллектуалов своего времени. Несколько неожиданно в этом ряду оказался представлен известный социалист, родоначальник немецкой социал-демократии Фердинанд Лассаль, по мнению которого в европейском сообществе имеются народы, которые «сами по себе не могли вообще дойти до исторического бытия», либо «дошли до него, но не могут идти дальше и теперь остаются позади истории». Такие народы, полагает автор, в результате исторического развития «всегда бывают опережены более могучим и быстрым процессом развития своих соседей и доставляют им таким образом возможность в период своего застоя завоевать отдельные части их стран»².

Понятно, что в отечественной мысли многоплеменной Российской империи такой подход не мог оставаться незамеченным, свидетельства чему обнаруживаются в статьях обозревателя «Вестника Европы» Л. Слонимского и Г.В. Плеханова. Характерно, что каждый из них посчитал необходимым уточнить позицию Ф. Лассаля, ссылаясь на получившую широкую известность выдержку из его письма к немецкому экономисту Родбертусу, в котором европейский социалист поясняет свою мысль: «право национальности я признаю лишь за великими культурными нациями, а не за расами, которые имеют лишь право быть ассимилированными этими нациями и выведенными на

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / перевод с английского А.А. Васильева. Санкт-Петербург: Алетей, 1998. С. 63, 64.

² Лассаль Ф. Итальянская война и задачи Пруссии. Голос из демократии // Лассаль Ф. Сочинения. Санкт-Петербург: В.В. Чуйко, 1882. С. 86–87.

путь развития»³. Л.З. Слонимский посчитал необходимым подчеркнуть при этом конфликтный характер указанного процесса, заметив, что в разных странах он чаще выглядит как «безвыходная цепь скрытых и явных угнетений, в которых одна и та же национальность играет поочередно роль молота и наковальни, тирана и жертвы». Привлекает внимание оценка автором и результатов такого взаимодействия, которые он считает «обыкновенно прямо противоположными тем, которые имеются в виду преследователями», поскольку «гонимая народность только сосредоточивается в себе и приучается сильнее дорожить своим традиционным духовным состоянием», и в итоге «естественная вражда к притеснителям закрывает путь к добровольной ассоциации»⁴.

В этом заявлении обозревателя известного либерального журнала можно рассмотреть некие отголоски польского вопроса, однако сомнения относительно возможных успехов в деле ассимиляции русскими иноплеменных народов в составе Российской империи имеют у него более общий смысл. Заметим в этой связи, что Ф. Лассаль относит Россию, наряду с Австрией, к разряду «варварских» государств. Более того, «варварство» России выражает, по его мнению, «национальный элемент»⁵, что, как представляется, исключало саму постановку вопроса о возможностях ассимиляции народов в империи русскими. Более того, с подачи Отто фон Бисмарка, получило распространение утверждение, что сам русский царь Александр II якобы признавал, что русский человек «не чувствует того превосходства, какое нужно, чтобы господствовать над поляками»⁶, а современный исследователь М.М. Шевченко дополняет, что

в русском правительстве обнаружилось преобладание глубокого скепсиса относительно способности вообще русского народа когда-либо и как-либо ассимилировать поляков⁷.

В этих условиях выглядит достаточно естественным возникновение в отечественной общественной мысли тенденции к осмыслению уровня цивилизационного развития русского народа, который определяется то как

³ Цит. по: Плеханов Г.В. Фердинанд Лассаль // Плеханов Г.В. Сочинения: в 24 т. Москва: Государственное издательство, 1925–1927. Т. 4. С. 43.

⁴ Слонимский Л. Национализм в политике // Вестник Европы. Кн. 11. Ноябрь 1889 г. С. 291.

⁵ Лассаль Ф. Итальянская война и задачи Пруссии. Голос из демократии. С. 87.

⁶ Бисмарк О. Мысли и воспоминания: в 3 т. / перевод с немецкого, под редакцией А.С. Ерусалимского. Москва: ОГИЗ, 1940. Т. 1. С. 225.

⁷ Шевченко М.М. А.А. Комзолова. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005 // Русский Сборник: исследования по истории России / редакторы-составители: О.Р. Айрапетов и др. Т. XV. Москва: Модест Колеров, 2013. С. 458.

«внутренняя», то как «качественная» сила, но представляет, по сути, характеристику ассимиляционного потенциала русского народа. Возникает некоторый соблазн представить эти попытки в качестве ответа позиции Фердинанда Лассаля, однако доказательствами такой взаимосвязи мы не располагаем, хотя определенная взаимосвязь теоретических изысканий отечественных интеллектуалов с широко распространенными в Европе в 60-е гг. XIX в. попытками доказать тезис о «варварстве России» сомнений не вызывает.

Своеобразную дань этой теме отдали представители различных направлений общественной мысли, оценки которых, в общем виде, были представлены в нашей совместной с А.Т. Урушадзе статье⁸, однако представляется, что в условиях, когда в России складывались «несколько ключевых политических программ по национальному вопросу»⁹, одной из которых была славянофильская, позиция И.С. Аксакова имела важное значение, а потому заслуживает более подробного изучения и осмысления. И.С. Аксаков, публицистика которого, по мнению П.Б. Струве, «была гармонично проникнута двумя основными мотивами-идеями: идеей свободной личности и идеей себя сознающего и утверждающего народа, т.е. идеей нации, в которую не может не быть погружена даже самая свободная личность...»¹⁰, являлся основным выразителем идей славянофильской среды по данной проблеме.

В зарубежной историографии общим местом является характеристика взглядов И.С. Аксакова как националистических. Однако при обращении к вопросу о характере и сущностных чертах его национализма прежнего единства среди исследователей не наблюдается. Профессор Кембриджского университета Александр Эткин считает его «одним из вождей умеренного русского национализма»¹¹, в то время как известный американский историк Ричард Пайпс утверждает, что к концу жизни этот славянофил «трансформировался в националиста-параноика, откровенного антисемита и

⁸ *Нарежный А.И., Урушадзе А.Т.* Оценка ассимиляционного потенциала русского народа в отечественной общественной мысли XIX в. // *Былые годы.* 2021. № 16 (1) С. 321–343. DOI: 10.13187/bg.2021.1.231

⁹ *Тесля А.А.* Дебаты о народности // *Социологическое обозрение.* 2012. Т. 11, № 1. С. 104.

¹⁰ *Струве П.Б.* Аксаковы и Аксаков // *Славянофильство: Pro et Contra.* Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / составитель В.А. Фатеев. Санкт-Петербург: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. С. 820.

¹¹ *Эткин А.* Внутренняя колонизация / перевод с английского В. Макарова. Москва: НЛО, 2013. С. 254.

страстного панслависта»¹². Наконец, Анджей Валицкий, автор популярной работы по истории славянофильства в России, развивает тезис об изменчивости взглядов И.С. Аксакова, считая, что он «несомненно, служит ярким примером эволюции славянофильства в направлении великодержавного национализма и крайней общественно-политической реакции»¹³. В интересующем нас контексте отметим утверждение философа, что публицист, «подобно Погодину ... стремился “обрусить” империю, полностью подчинить внутреннюю политику властей русскому национализму...», причем «выражал это стремление более явно, чем мог позволить себе Погодин в николаевскую эпоху»¹⁴.

В отечественной историографии суждения о взглядах И.С. Аксакова формулируются менее категорично, хотя Н.И. Цимбаев и признает, что в общем виде публицист «стоял на позициях национализма, признавая их славянофильскими», а его взгляды в 1879–1881 годах характеризует как «консервативно-националистические»¹⁵. Эта мысль о взаимосвязи славянофильства и русского национализма сохраняется и в постсоветской историографии. Вполне определенно она выражена в статье А.А. Иванова, А.Л. Казина, Р.В. Светлова, где с появлением славянофильства связывается «новый этап развития русского национализма», которому представители этого направления придали «умеренно-либеральный характер», а «огромной заслугой славянофилов», в том числе И.С. Аксакова, признается «вклад в понимание русской самобытности, развитие национального самосознания»¹⁶. Разделяет подобную точку зрения и В.Н. Кудряшев, по мнению которого «славянофилов можно отнести к этноцентристскому крылу русского национализма XIX в.»¹⁷

Такая, прямо скажем, достаточно невнятная характеристика взглядов публициста может быть связана с наличием в историографии точки зрения, изначально сформулированной еще в 1880 году К.Н. Леонтьевым, согласно которой И.С. Аксаков характеризуется лишь как «даровитый, верный и

¹² *Пайтс Р.* Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры / перевод с английского И. Павловой. Москва: Фонд «Либеральная миссия»: Новое издательство, 2008. С. 175.

¹³ *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / перевод с польского К. Душенко. Москва: НЛО, 2019. С. 569.

¹⁴ *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. С. 571.

¹⁵ *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. Москва: Издательство Московского университета, 1986. С. 48, 90, 109.

¹⁶ *Иванов А.А., Казин А.Л., Светлов Р.В.* Русский национализм: основные вехи исторического осмысления // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, вып. 4. С. 150.

¹⁷ *Кудряшев В.Н.* Народность и государство в славянофильской доктрине (1840–1880-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 109.

непреклонный хранитель завещанного ему сокровища». Более того, «само сокровище это, но самый клад этот отыскан не им, и он пускает его в оборот теперь почти без процентов»¹⁸. Исключением из данного определения признается значимый вклад публициста в славянофильскую теорию «общества», что признается как в зарубежной¹⁹, так и в отечественной литературе, где это обстоятельство одним из первых отметил В.А. Китаев, считавший, что публицист в своих теоретических представлениях «не довольствовался наследием, завещанным старшим поколением славянофилов», а дополнил его «новой категорией «общество», которая приобретает значение решающего фактора в правильном развитии русского народа»²⁰. Продолжение этой мысли обнаруживается и в известной статье А. Тесли, по мнению которого именно И. Аксакову, претендующему на роль хранителя славянофильского «наследия» и его интерпретатора применительно к текущей ситуации, принадлежит «огромная роль» в оформлении славянофильства как идейного направления в русской общественной мысли²¹.

Основная часть

Менее изученной в историографии остается другая составляющая творчества И.С. Аксакова, связанная с углубленным анализом особенностей формирования и развития русского народа, в процессе которого возникает, по его мнению, состояние, для характеристики которого публицист использует понятие «органической силы». Данный сюжет публицист трактует как «очень любопытный и заслуживающий особенного изучения»²². При этом представляется значимым исторический контекст формирования этих взглядов. В октябре 1864 г. Аксаков публикует статью «Где органическая сила России?», посредством которой вовлекается в дискуссию о причинах сепаратистских выступлений в национальных окраинах и факторах единства империи. В ходе ее публицист формулирует тезис, согласно которому «государство, как

¹⁸ Леонтьев К.Н. Г. Катков и его враги на празднике Пушкина // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 2: Публицистика 1880 года. Ранние научные работы / под редакцией В.А. Котельникова. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2006. С. 202–203.

¹⁹ Пайнс Р. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры. С. 172.

²⁰ Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2008. С. 155.

²¹ Тесля А. Иван Аксаков и его роль в истории русского национализма. К 190-летию со дня рождения // Вопросы национализма. 2013. № 4 (16). С. 197.

²² Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886: в 7 т. Москва: Типография М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887. Т. 2. С. 247.

внешний покров народного цельного организма, может быть крепко только внутреннею органическою силою», которую, по его мнению, олицетворяет русская народность²³.

Месяц спустя, в работе «Условия государственного единства и силы» И.С. Аксаков уточнил свою мысль, обнаруживая в мощи и живучести внутренней органической силы не только начала, но и «условие государственного единства». Это положение позволило ему обозначить четкую взаимозависимость между сущностными свойствами народности и ее историческими судьбами. По его мнению, «право на историческое бытие известного народа коренится в свойстве его личности, т.е. народности, и народность обуславливает все его историческое развитие», поскольку «народы обезнародившиеся, т.е. поколебавшиеся в вере в себя, в свое право на жизнь, в свою народность и в свои силы, исчезают с исторической сцены, вымирают, перерождаются, перестают существовать, исчезают исторически»²⁴. Подобное утверждение И.С. Аксаков объясняет тем, что народность состоит к государству «в таком же точно отношении, как всякая органическая сила к внешнему строю своего организма» и завершает свою мысль заявлением принципиальной значимости, суть которого выражает в формуле: «нет государства без господствующей народности»²⁵.

А вот варианты ее складывания, по мнению публициста, могут быть различными. На раннем этапе народность может возникнуть, в частности, «из сочетания разных племен», что демонстрируют, по его мнению, французская и английская народности. Однако более распространенной практикой Аксаков считает ситуацию, когда в состав государства могут войти народности, которые «или растворяются сами собой в народности господствующей, сливаются с ней, так сказать ассимилируются, или же, сохраняя свой тип, теряются в общем типе государственном». По его мнению, таковыми в России «являются Башкиры, Татары и некоторые племена Финского происхождения». Однако, уточняет публицист, «эти ингредиенты» безопасны для государства лишь в том случае, когда они «не пересиливают основного элемента. В противном случае оно уже перестают быть тем, чем было: явится другое государство или несколько, но не то, которое до тех пор существовало». Здесь «все зависит от внутренней силы самого основного элемента»²⁶.

Привлекает внимание Аксакова и другая ситуация, когда «историческая судьба связывает государство с посторонними политическими телами». В этом

²³ Аксаков И.С. Где органическая сила России? Статья в газете «День». 3 октября 1864 г. // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886. Т. 2. С. 216.

²⁴ Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы. С. 242, 243.

²⁵ Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы. С. 245, 246, 243.

²⁶ Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы. С. 246.

случае они «не составляют тягости, а вполне плотно и прочно примыкают к государству» лишь в том случае, когда «прирастают к нему органически, проникают органическим с ним единством», поскольку «никакая другая связь не может быть надежна». Важно отметить, что «прочность этой связи зависит не от внешнего единообразия форм управления, а от той степени органической *силы сращения*, которой обладает государственный организм» (Здесь и далее курсив наш. – А. Н.). В свою очередь,

чем цельнее этот организм, чем действеннее или активнее в государстве его органическое начало, т.е. народность, тем притягательнее оно, тем действеннее, тем могущественнее сила органического сращения, тем легче прирастают к нему слабейшие тела политические, тем крепче сплавиваются они в одно целое, даже без особенных внешних насильственных и искусственных мер²⁷.

Соответствие указанным требованиям, суть которых Аксаков сводит к наличию у господствующей народности определенного уровня «жизненной силы», он обнаруживает в Московском государстве, поскольку «до Петровского переворота», по мнению публициста, «все приобретения и завоевания тогдашней Руси русели сами собой, – становились тотчас же ее нераздельной частью». Более сложной видится Аксакову ситуация в имперский период. С одной стороны, полагает публицист, «отвлеченное государственное механическое единство, созданное Петром, имеет ту историческую заслугу в жизни русского народа, что оно вызвало к жизни народное самосознание, заставило уразуметь духовную сущность его органических начал и оценить истинное значение живого, не отвлеченного единства...». Значимость этого фактора Аксаков объясняет тем фактом, что «степень могущества Российской империи всегда зависела и зависит от меры участия духовных сил Русской народности во внешнем государственном устройстве России, от степени сближения правительства и народа, государства с землею», примеры которого он усматривает в событиях 1812 г. и отчасти в 1863 г.²⁸

Суть позиции Аксакова состоит в убежденности, что в условиях действия негативных последствий петровских реформ, в числе которых он особо выделяет «разрыв образованных классов Русского общества с Русским народом», «только подкладка, так сказать, внутренней органической силы давала еще и дает движение и силу Петровскому государственному механизму!». Уточним, однако, что одновременно публицист предлагает обращать внимание общества и «на те внутренние недуги, подтачивающие

²⁷ Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы. С. 247.

²⁸ Аксаков И.С. Где органическая сила России? С. 219–220.

наше могущество, которые общество не замечает или которыми пренебрегает – в своем патриотическом самообольщении»²⁹. При этом обращает на себя внимание подчеркнута объективистский подход И.С. Аксакова к оценке уровня цивилизационного развития России. В одном из писем 1855 г. родным он эмоционально восклицает: «как тяжело, как невыносимо тяжело порою жить в России, в этой вонючей среде грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений, добрых малых мерзавцев, хлебосолов-взяточников, гостеприимных плутов, – отцов и благодетелей взяточников!». Важно отметить, что такой образ страны являлся, по его мнению, «продуктом русской почвы», и «на всей этой мерзости лежит собственно ей принадлежащий русский характер»³⁰.

Вместе с тем, приведенное мнение, как представляется, мало влияет на оценку Аксаковым роли русского народа в строительстве и укреплении империи. В ноябре 1865 г., в передовой статье газеты «День», он заявляет, как о деле решенном:

слава Богу, у нас в России, несмотря на разные новейшие точки зрения, один народ – Русский; одна национальность – Русская, – которой господство основывается не на количественной только, но преимущественно, на качественной силе³¹.

Эта достаточно неожиданная формула в определенной степени созвучна более раннему заявлению его старшего брата Константина Сергеевича, который так же находил

в русской земле (народе) единство во всех ее проявлениях; всюду проводится то же начало и тот же образ: язык, одежда, общественное устройство, песня (содержание), музыка (напев), поэтическая речь (стих), сказка, пословица, шутка, обычаи, пляска, – одним словом, все проникнуто тем же духом³².

Следует заметить, что в данном случае И.С. Аксаков не вполне оригинален в своих суждениях. Тезис о Российской империи как о русском государстве встречается и у других представителей общественной мысли, причем самых

²⁹ Аксаков И.С. Где органическая сила России? С. 220.

³⁰ Аксаков И.С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: в 2 ч. Ч. 1, т. 3. Москва: Типография М.Г. Волчанинова, 1892. С. 205.

³¹ Аксаков И.С. Передовая статья газеты «День». 13 ноября 1865 г. // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886. Т. 2. С. 49.

³² Аксаков К.С. Разные отдельные заметки // Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова / под редакцией И.С. Аксакова. Т. 1: Сочинения исторические. Москва: Университетская типография, 1889. С. 631.

разных направлений. В частности, эту мысль высказывал в одном из своих писем А.И. Герцен, когда утверждал, что

безобразнейшее правительство в мире, иностранное по духу, сколотило из дряблого московского государства кованую империю от Балтики до Тихого океана, империю *чисто русскую*, гораздо больше русскую, чем правительство³³.

А далее, фактически в унисон с К.С. Аксаковым, пояснял, что

Россия, кроме своих окраин, представляет сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый русский сознает себя частью всей державы, сознает родство свое со всем народонаселением, воспитанным в том же сельском быту, с своим общинным порядком и разделением полей³⁴.

Известный общественный деятель либерального толка П.Б. Струве также был вполне согласен с такой характеристикой, заявляя, что «Россия есть государство национальное». По его мнению, «русские племена были отчасти внутренним сцеплением, отчасти внешним давлением сдвинуты в единое государство и в нем спаялись в единую нацию». Однако это было только началом процесса, указанное «национальное государство-ядро» в дальнейшем росло путем расширения, в процессе которого «оно захватывало в сферу своего воздействия иноплеменные элементы». Характеризуя связь этих элементов «с русским государственно-национальным ядром», Струве поясняет, что она «в одних случаях чисто или по преимуществу государственная, в других случаях – государственно-культурная, доходящая в окончательном своем развитии до полного уподобления, обрусения «инородцев». Таким образом, заключает Струве, русское государство превратилось в государство, «которое, будучи многонародным, в то же время обладает национальным единством»³⁵.

Эти заявления вызывают, что естественно, много вопросов, поскольку фиксируют как бы вполне благополучное состояние дел, полное единство народов империи, хотя и не содержат при этом какого-либо обоснования данной позиции. И если Струве указанием на тесную связь между государственным и национальным развитием, состоящую в том, что «в государстве складывалась и крепла нация и нацией скреплялось и расширялось

³³ Герцен А.И. Россия и Польша // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. / редакционная коллегия: В.П. Волгин (главный ред.) и др. Т. 14: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859–1860 годов / редактор Ю.Г. Оксман. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 46.

³⁴ Герцен А.И. Россия и Польша. С. 20.

³⁵ Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 176–177.

государство» фактически уклоняется от обсуждения роли русского народа в этом процессе³⁶, то вывод И.С. Аксакова опирается на другую концепцию развития российской государственности. Это побуждает публициста обратиться к вопросу о взаимодействии различных народов России и, в частности, к тезису о том, что господство русской национальности в государстве основывается, в том числе, «на качественной силе», которая, как можно понять автора, и означает ассимиляционную способность русского народа.

Теоретические основания позиции Аксакова заключаются в убеждении, что «в каждом историческом явлении есть внутренняя сила, которая дала ему бытие; в каждом политическом организме есть основная стихия, которой он есть, живет и движется». При создании Российского государства, по мнению публициста, в качестве таковой «явилось Великоорусское племя», которое «жизнь этому организму дало, дает и может давать»³⁷. Оценивая принципы его взаимоотношений и взаимодействия с другими племенами и народами, Аксаков следует положению, что «нет государства без господствующей народности», сложившейся исторически, в том числе посредством «сочетания разных племен». Определяя перспективы каждого из них, он приходит к выводу, что

эти народности или растворяются сами собой в народности господствующей, сливаются с ней, так сказать ассимилируются, или же, сохраняя свой тип, теряются в общем типе государственном, вполне безвредные, как по относительной малочисленности своей, так и по отсутствию в них внутренней силы³⁸.

В первом случае И.С. Аксаков рассматривает ассимиляцию как процесс «об уподоблении себе одной народности другой», уточняя его сущность указанием на стихийный характер подобного взаимодействия, которое происходит, по его мнению, без участия и влияния каких-либо внешних воздействий. Данное обстоятельство автор выделяет особо, подчеркивая, что народности и растворяются, и сливаются друг с другом «сами собой». Таким образом, в данном случае речь идет о фактах спонтанного или стихийного взаимодействия, что, однако, не снимает вопроса о наличии неких факторов влияния, важнейший из которых, по мнению публициста, «зависит от силы самого основного элемента», то есть ведущей народности³⁹.

Обращаясь к характеристике источников этой силы, И.С. Аксаков отказывается принимать «как непреложное правило», расхожие, по его оценке,

³⁶ Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь. С. 176.

³⁷ Аксаков И.С. Петербург или Киев? Газета «День». 17 ноября 1862 г. // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886. Т. 2. С. 77.

³⁸ Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы. С. 246.

³⁹ Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы. С. 246–247.

тезисы о том, что народность, лишенная политической организованности, при столкновении с таковой, непременно «подчиняется и поглощается ею», или что причина преобладания «заклучалась непременно в высшем уровне образованности или культуры» доминирующей народности, или, наконец, в могуществе «приемов управления»⁴⁰. Нетрудно заметить, что указанные факторы отражают все же внешние условия жизни народов, значимости которых И.С. Аксаков хотя и не оспаривает, однако не демонстрирует желания анализировать их применительно к процессу российской истории.

Значительно больше привлекает И.С. Аксакова изучение внутреннего состояния народов, поскольку, по его мнению, именно в нравственных, духовных элементах каждой народности содержится наиболее значимый фактор ее влияния. Достаточно неожиданным выглядит при этом намерение автора отыскать его «в самом отношении народа к своей народности, в большем или меньшем развитии народного самосознания, в его самоуважении, в чувстве своего личного достоинства, в том мнении, которое он сам о себе имеет, в той нередко безотчетной вере, которую он хранит в самого себя, в свои собственные *нравственные* силы, в свое историческое призвание». Публицист уверен, что только в том случае, когда «вера в себя, в свою народность, в истину своих начал, крепче веры другого», этот народ «естественным ходом жизни, без всяких особенных насильственных и искусственных мер», способен подчинить своему нравственному влиянию другой народ. Естественно, что при такой постановке вопроса фактор «веры в себя» выступает в качестве основного условия при обосновании притязаний народа на статус господствующего в государстве. Вместе с тем, дальнейшие размышления И.С. Аксакова обнаруживают достаточно прикладной характер этой теории, что просматривается в заявлении, согласно которому «ни один народ в мире не представляет такого цельного живого организма как Русский, ни один, может быть, не одарен таким богатством сил и таким могуществом естественного органического сращения и притягательности». В итоге, к чувству «веры в себя» добавляются представления о несомненных способностях к «сожителству» с другими народами, а также о «цельности» русского народа, которым предназначена важная роль в концепции И.С. Аксакова⁴¹.

Заметим, что в соответствии с достаточно распространенной в отечественной мысли XIX в. практикой, И.С. Аксаков использует определение «народ» в «обширном и тесном» смыслах. В первом случае под этим понимается «все население известной страны, представляющее цельность нравственную и физическую, единство происхождения и предания, единый общий тип – физический и духовный», а также «все сословия, все ступени

⁴⁰ Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы. С. 247–248.

⁴¹ Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы. С. 248, 249, 251.

общественные, от царя до последнего крестьянина...»⁴². По мнению И.С. Аксакова, именно в таком состоянии пребывал русский народ в эпоху Московского царства, когда безусловная вера в себя, свое призвание позволила ему не только образовать государство, но и дополнить его политическое единство единством внутренним, поскольку «все приобретения и завоевания *тогдашней* Руси русели сами собою, – становились тотчас же ее нераздельной частью»⁴³.

Таким образом, исторический период до конца XVII века оценивается И.С. Аксаковым в качестве «золотого века» в утверждении безусловного преобладания русского народа в ряду племен и народностей в составе Московского царства. Отметим то обстоятельство, что указанное заявление представляется И.С. Аксакову настолько общеизвестным, что не сопровождается с его стороны сколько-нибудь развернутой аргументацией. Для подтверждения этого тезиса он не привлекает и соображения российских историков, хотя, как человеку образованному, ему, несомненно, были известны труды по данной проблеме Н.М. Карамзина и К.Д. Кавелина и, разумеется, содержание дискуссии К.С. Аксакова и С.М. Соловьева по вопросам истории России. Возможное объяснение такой позиции состоит в том, что особенности развития русского народа и российского государства в доимперский период интересуют И.С. Аксакова лишь в той степени, в какой их можно было использовать для объяснения негативного развития ситуации на новом этапе развития.

Переломным моментом в концепции И.С. Аксакова определяется начало XVIII в., когда действие качественной силы русского народа «было временно приостановлено реформой Петра». С этого времени в государстве, по мнению публициста, наблюдается лишь «отвлеченное государственное, механическое единство»⁴⁴. Указанный тезис призван был зафиксировать снижение ассимиляционных способностей русского народа и его влияния в жизни государства-империи. Симптомы этого Аксаков обнаруживает в утрате внутреннего единства и, соответственно, падении самоуважения, веры в себя, что выразилось в том, что русский народ, по словам публициста,

постоянно ищет поддержки в общественном мнении Европы, заискивая его благосклонность или чрез низкое отречение от своих начал, или чрез смиренное и унижительное безмолвие⁴⁵.

⁴² Аксаков И.С. Народ, государство, общество // И.С. Аксаков. Наше знамя – русская народность. Москва: Институт русской цивилизации, 2008. С. 74.

⁴³ Аксаков И.С. Где органическая сила России? С. 219.

⁴⁴ Аксаков И.С. Где органическая сила России? С. 219.

⁴⁵ Аксаков И.С. Славянский обзор. Газета «День». 1 октября 1861 г. // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886. Т. 2. С. 3.

Оценивая последствия такого поведения, И.С. Аксаков заявляет, что они сказываются на статусе народа внутри страны, где он «теряет власть претворять инородцев в свою органическую сущность, сам поддается и подчиняется вере крепчайшей другого народа»⁴⁶.

Анализ причин сложившейся ситуации автор начинает с осмысления состояния внутренней веры народа. Для понимания позиции Аксакова следует учитывать убежденность публициста в том, что на данном этапе само понятие «народ» утрачивает всеобщий характер, поскольку теперь оно, уже «в тесном смысле», обозначает лишь «то народное множество, которое живет жизнью непосредственной и, как зерно, сосредотачивает в себе всю органическую силу, все развитие организма». Именно этот простой народ, по мнению публициста, «хранит в себе всю будущность предстоящего ему подвига, развития своей духовной особенности, своего типа»⁴⁷. Такой подход разрушает представление о прежней «цельности» народа, поскольку оставляет за границами нового определения его наиболее продвинутую в образовательном и культурном смыслах составляющую, порождая, тем самым, неясность в вопросе о носителях и хранителях присущих народу свойств и качеств.

Попытка разрешения указанных проблем была предпринята И.С. Аксаковым в цикле статей «О взаимном отношении народа, общества и государства», опубликованных в начале 1862 г. в газете «День», где автор сформулировал ряд принципиальных положений. В частности, он ставит под сомнение модернизационный потенциал самодержавия и противопоставляет ему интеллектуальную силу в лице общества, для характеристики которого использует разные определения, в том числе наиболее распространенное в историографии – «общество есть народ на второй ступени своего развития, народ самосознающий». Как поясняет сам автор, общество есть «совокупная деятельность живых сил, выделяемых из себя народом», которое образуется «из людей всех сословий и состояний, ... соединенных известным общим уровнем образования», оно должно «постоянно освежаться, обновляться новым притоком сил из народа». Наконец, сила общества «как явления не политического, есть сила нравственная, сила “общественного мнения”»⁴⁸.

Таким образом, в понимании И.С. Аксакова общество представляет собой не весь народ «на второй ступени развития», а лишь его часть, критерием выделения которой определяется «известный уровень» образования, понимаемый более широко, нежели обладание определенной суммой знаний и навыков. На основании данного уточнения становится более понятной мысль

⁴⁶ Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы. С. 248, 249.

⁴⁷ Аксаков И.С. Народ, государство, общество. С. 74.

⁴⁸ Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886. Т. 2. С. 31, 33, 37–39.

публициста о причинах того, почему «в русском обществе «дрогнула» вера в свою народность (не в материальную силу народа, а в его начала), явилось сомнение в самом себе, в своем призвании, в своем нравственном праве на самостоятельное духовное развитие, поникло чувство своего народного (а не политического) достоинства, ослабло самоуважение и закралось в душу какое-то душевное подобострашие перед авторитетом Западной Европы». Выявленное «падение веры» у представителей образованного общества Аксаков объясняет следующим образом: «мы расколоты сами в себе, внутренно, – страдаем какою-то нравственной двойственностью, и общественный духовный наш организм не может похвалиться ни цельностью, ни крепостью». В итоге, «мы, как общество, являем в себе отсутствие духовной цельности и органической силы»⁴⁹. Принципиально важно, что в данном выводе речь идет именно об обществе, четко противопоставленном простому народу.

Отмеченные автором проблемы в развитии общества исторически связаны с этапом российской государственности, когда историческая судьба «связывает государство с посторонними политическими телами», под которыми он понимает «области со сложившимся политическим обществом», включенные в состав уже существующего государства. Любопытно, что установление прочной связи с этими народами, полагает Аксаков, как и раньше «зависит не от внешнего единообразия форм управления», а от «той органической *силы сращения*, которой обладает государственный организм», а также от активности «органического начала» государства в лице ведущей народности. Обращает на себя внимание тот факт, что теперь у публициста меняется субъект веры. Если на первом этапе таковым у него выступал народ, то теперь Аксаков обращает свои надежды к государству, поскольку у русского образованного общества, как оказывается, «веры нет». В этом-то и заключается, по мнению публициста, «главное условие нашей общественной слабости», о чем свидетельствуют негативные подвижки в самосознании русского народа⁵⁰.

В этой связи отметим любопытное противоречие в воззрениях И.С. Аксакова, связанное с возникновением и характеристикой русского общества. Дело в том, что отнесение даты его зарождения ко времени появления в стране печати и, соответственно, общественного мнения, не позволяет определить таковую ранее начала XIX в. При этом, однако, особенности самосознания русского народа в XVIII в. И.С. Аксаков также объясняет поведением и позицией представителей общества, которого, в заявленном ранее виде, еще не существовало. Возможное объяснение этого

⁴⁹ Аксаков И.С. В чем недостаточность русского патриотизма? // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886. Т. 2. С. 222, 226.

⁵⁰ Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы. С. 246, 247, 251–252.

противоречия состоит в том, что у публициста имеется и другая версия развития русского народа в условиях социокультурного разлома времен петровских преобразований, согласно которой виновником негативного сценария в развитии самосознания народа определяется правящее сословие, представителей которого И.С. Аксаков обвиняет в европейничании и, соответственно, в обретении черт ненародности.

Подтверждением справедливости данного подхода можно считать аргументацию, используемую автором. В частности, наиболее зримым проявлением отмеченных негативных черт публицист считает массовый отъезд представителей российской элиты в Европу. По его данным, в одном только 1860 г. численность выехавших составила 275 тысяч. Особенное неудовольствие вызывает у публициста существующая в России практика отправлять детей для обучения за границу. В частности, публицист иронично отмечает, что

Нежные родители без церемоний *крадут* у Русского ребенка его народность, и уверяют себя и других, что готовят самостоятельных деятелей, полезных граждан и гражданок, воображают, что исполняют свой долг, приносят жертву, пребывая за границей⁵¹.

На самом деле, полагает И.С. Аксаков, «готовят они ... космополитов с общеевропейскою-казенною физиономиею и душою, без национальности, без отечества, без церкви...». Оценивая последствия подобной политики, он задается риторическим вопросом,

в состоянии ли *эти* Русские, изготовляемые нам слабоумием попечительных Русских родителей за границую ... будут *обрусить* ополяченных туземцев Западного края, сладить с напором германизма, возродить к самостоятельной нравственной деятельности Русское общество, восстановить союз общества с народом, стать представителями Русского народа и оживить Россию новыми духовными силами, силами просвещенной Русской народности, без которых все ее материальное могущество мертво и бесплодно!⁵²

Обосновывая отрицательный ответ на свой вопрос, Аксаков указывает, что в результате такого положения пострадало самосознание русской народности, что, в свою очередь, самым негативным образом сказалось и на ее ассимиляционном потенциале. Иллюстрацией справедливости этого тезиса выступают для него неудачные попытки обрусения иноплеменных народов

⁵¹ Аксаков И.С. В чем сила народности? Передовая статья в газете «День». 10 марта 1863 г. // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886. Т. 2. С. 93, 94.

⁵² Аксаков И.С. В чем сила народности? С. 94, 95.

империи в XIX в., в частности, результаты деятельности тех государственных чиновников, которые после польского восстания занимались «обрусением» «нерусских, или не довольно русских окраин Российской Империи»⁵³.

Итоговый вывод Аксакова сводится к парадоксальному утверждению: «чтобы обрусить, надо быть Русским, а Русских то между нами и нет». Понятен и адресат, которому направлена эта претензия автора, поскольку, по его мнению, простой народ остается «несомненно и неколебимо Русский», однако, сокрушается публицист, «без высшей сознательной деятельности народного духа – народность масс не надежна»⁵⁴. Отсутствие таковой Аксаков связывает с ложным, или, по крайней мере, односторонним пониманием «идеи государственного единства и самой задачи обрусения», а также совокупностью внешних и внутренних условий «нашего государственного и общественного развития в так-называемый петербургский период нашей истории»⁵⁵.

Поясняя свою мысль, публицист отмечает, что внешнее государственное единство представляет собою «непременный логический вывод из цельности внутренней», поскольку сама по себе эта идея государственного единства, напоминая он пример Австрии, «не может сотворить никакого прочного единства»⁵⁶. Слабым утешением служит для него и то обстоятельство, что и другие славянские народы оказались достаточно легко подвержены внешнему влиянию, поскольку на таком фоне, по мнению Аксакова, русские выглядят еще хуже⁵⁷. Возвращаясь к задачам в России, публицист заявляет, что поставленное «как чисто-государственная задача, никакое искусственное или принудительное отождествление инородцев с народным историческим типом, давшим бытие известному государству, не достигнет цели и окажется бессильным, если нет, при этом, действия иных нравственных и чисто-общественных сил». По его мнению, если бы народный механизм был у нас по-прежнему «полон жизни и крепости», тогда задача «была бы не в том, чтобы *обрусить* внешним способом наши окраины, а в том, чтобы они сами собой *обрусели*». Необходимым условием для осуществления столь парадоксального действия он считает достижение такого состояния, «чтобы сила обрусения была могучим естественным ключом из нашей народности самосознания, из несомненной в нас веры в право и признание нашего народа». В противном случае, заключает И.С. Аксаков, «если же в нас самих чувство народности слабо или искажено, то никакие отвлеченные политические побуждения не

⁵³ Аксаков И.С. Отчего Россия так мало способна к обрусению своих окраин? // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886. Т. 2. С. 379.

⁵⁴ Аксаков И.С. В чем сила народности? С. 92, 93.

⁵⁵ Фурсова Е.Б. И.С. Аксаков: Апология народности и самодержавия. Москва: Социально-политическая мысль, 2006. С. 380.

⁵⁶ Аксаков И.С. Отчего Россия так мало способна к обрусению своих окраин? С. 380.

⁵⁷ Аксаков И.С. В чем сила народности? С. 92.

придадут нам способности обрусения»⁵⁸. Оценивая последствия такого развития ситуации, он заявляет, что упадок влияния господствующей народности неизбежно сказывается на состоянии государства, поскольку в нем «ослабляется действие органического начала..., ослабляется сила сращения, ослабляются всякие связи». В итоге, государство «при всем наружном величии и блеске, слабеет, никнет, и не в состоянии удержать не только те приставные части, которые только и держались внешнею силою, но и те, которые по-видимому приросли к нему органически»⁵⁹.

Заключение

Таким образом, при рассмотрении ассимиляционного потенциала русского народа, состояния, которое И.С. Аксаков выражает также терминами «ассимиляционная способность» и «качественная сила», публицист выделяет два этапа. Первый из них, относящийся ко временам Древней Руси и Московского царства, отмечен, по мнению Аксакова, единством народа, его «несокрушимой верой» в самого себя и свою миссию. Как следствие, великорусская народность в значительной мере реализует свой ассимиляционный потенциал, объединяет в рамках единого российского государства многочисленные племена и народности, и, тем самым, дополняет политическое единство государства единством внутренним.

В имперский период, который И.С. Аксаков рассматривает в качестве нового этапа в развитии государства и общества, ассимиляционная способность русского народа, по мнению публициста, не только не окрепла, но даже стала слабее. Причину такого положения он находит в том, что единство государства рассматривается на данном этапе как проблема сугубо политическая, внешняя, в то время как имевшиеся ранее возможности внутреннего единства были разрушены вследствие социокультурного раскола русского народа в результате петровских реформ. При этом, представители правящей элиты, а затем и русского общества вначале утратили национальные черты, а затем и веру в потенциал русского народа, что, в конечном счете, повлекло за собой не только существенное ослабление самого государства, но и существенное снижение национального самосознания народа, его возможностей реализовать свою роль носителя функции опоры и хранителя российской государственности. Слабая надежда И.С. Аксакова в отношении будущего основывалась лишь на том, что, по его мнению, «несмотря на отвлеченность созданной Петром централизации, несмотря на разделение средоточия власти с средоточием Русской земли, — только подкладка, так сказать внутренней органической силы давала еще и дает

⁵⁸ Аксаков И.С. Отчего Россия так мало способна к обрусению своих окраин? С. 381.

⁵⁹ Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы. С. 248–249.

движение и силу Петровскому государственному механизму!»⁶⁰. Как представляется, подобный итог изучения И.С. Аксаковым состояния и перспектив развития русского народа выглядит незавершенным. Сформулировав концепцию неуклонного падения его ассимиляционного потенциала, публицист отказывается прогнозировать финальный исход указанного процесса, передавая, со сути, судьбу многонациональной империи в руки образованной части общества, которую называет основным виновником угасания «органической силы» русского народа. Впрочем, эта неопределенность сопровождается у публициста умеренным оптимизмом, основания которого, как представляется, нуждаются в дополнительном обосновании.

⁶⁰ Аксаков И.С. Где органическая сила России? С. 220.

Introduction

The public thought of the nineteenth-century Russia reflected a number of debatable topics related to the understanding of new approaches to state-building that arose in Europe under the influence of the idea of the nation and the processes of formation of national states. As Eric Hobsbawm points out, European researchers considered these processes as a special stage in the evolution of humanity and its progressive development from small groups to larger ones, from family and tribe to the region, nation, and ultimately to the future united world. They were no less interested in the position that assimilation of small communities and peoples by larger ones was – quite logically – the reverse side of the problem “nation as a product of progress,”¹ which, we should add, made it very relevant in the concrete historical situation of the 19th century. At the same time, we should take into account that for representatives of different schools of European thought in the 19th century, this statement was neither unacceptable nor controversial. To put it more exactly, it gave rise to the thoughts about the possibility of some sort of ranging of European peoples by the level of their ability to exist and develop independently. Such attempts are found in the works of many European intellectuals of the time. Quite unexpectedly, among them we can find Ferdinand Lassalle, a well-known socialist and founder of German social democracy. According to him, in the European community there are peoples who could not reach historical existence by themselves at all or achieved it, but cannot go further and now remain behind history. The author believes that as a result of historical development, such peoples are always outstripped by more powerful and rapid development of their neighbors and thus give them an opportunity to conquer certain parts of their countries during their stagnation.²

It is clear that in the domestic thought of the multi-tribal Russian Empire, such an approach could not go unnoticed. Evidence of that can be found in the articles of *Vestnik Evropy*'s observers L. Slonimskii and G. Plekhanov. It is characteristic that each of them considered it necessary to clarify the position of F. Lassalle, referring to a widely known excerpt from his letter to the German economist J. Rodbertus, in which the European socialist explains his thought as follows: “I recognize the right of nationality only for great cultural nations but not for the races that have only the right to be assimilated by these nations and put on the path of development.”³ L. Slonimskii considered it necessary to emphasize the conflicting nature of this

¹ E. Hobsbawm, *Nations and nationalism since 1780* [in Russian], trans. A.A. Vasil'ev (St Petersburg: Aleteiya, 1998), 63, 64.

² F. Lassalle, “The Italian War and the tasks of Prussia. A voice from democracy” [in Russian], in *Works* (St Petersburg: V.V. Chuiko, 1882), 86–87.

³ Cited in G.V. Plekhanov, “Ferdinand Lassalle,” in G.V. Plekhanov, *Works*, 24 vols., vol. 4 (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925–1927), 5–53.

process, noting that in different countries it often looks like “a hopeless chain of hidden and obvious oppressions, in which the same nationality alternately plays the role of hammer and anvil, tyrant and victim.” Noteworthy is the author’s assessment of the results of such interaction, which he considers “usually directly opposite to those meant by the persecutors,” since “the persecuted nationality only concentrates on itself and learns to value its traditional spirituality more,” and, as a result, “natural hostility to the oppressors closes the way to voluntary association.”⁴

Echoes of the Polish issue can be heard in this statement of the columnist of a well-known liberal magazine, but his doubts about possible success in the assimilation of foreign peoples by the Russians in the Russian Empire have a more general meaning. We should note in this regard that F. Lassalle considers Russia as well as Austria to be a “barbaric” state. Moreover, in his opinion, the “barbarism” of Russia expresses a “national element,”⁵ which seems to exclude the question of the possibility of the Russians assimilating other peoples in the empire. Moreover, thanks to Otto von Bismarck, the statement was spread that Russian Tsar Alexander II allegedly admitted that a Russian man “does not feel the proper superiority that is needed to dominate the Poles,”⁶ and M. Shevchenko, a contemporary researcher, adds that

the Russian government revealed prevalence of deep skepticism concerning the ability of the Russian people in general to ever and somehow assimilate the Poles.⁷

The emergence in Russian society of the tendency to comprehend the level of civilizational development of the Russian people looks quite natural in these conditions. It is defined either as an “internal” or “qualitative” force, but actually it represents a feature of the assimilation potential of the Russian people. There is a temptation to present these attempts as a response to the position of Ferdinand Lassalle. However, we do not have evidence of such a relationship, although there is no doubt that a certain association exists between the theoretical studies of Russian intellectuals and widely spread attempts to prove the thesis of the “barbarism of Russia” in Europe in the 1860s.

Representatives of different schools of social thought paid their “tribute” to this topic and their generalized views were presented in the article by A. Urushadze and

⁴ L. Slonimskii, “Nationalism in politics,” *Vestnik Evropy*, bk. 11 (November 1889): 291.

⁵ Lassalle, “The Italian War and the Tasks of Prussia,” 87.

⁶ O. Bismarck, *Thoughts and memories* [in Russian], vol. 1, ed. A.S. Erusalimskii (Moscow: OGIZ, 1940), 225.

⁷ M.M. Shevchenko, “A.A. Komzolova. The policy of autocracy in Northwestern Krai in the era of the Great Reforms” [in Russian], in *Russian Collection: research on the history of Russia*, vol. 15, comp. O.R. Airapetov; et al. (Moscow: Modest Kolerov, 2013), 458.

A. Narezhnyi.⁸ However, it appears that in the conditions when “several key political programs on the national question”⁹ were in the making in Russia and one of them was the program of Slavophiles, Ivan Aksakov’s position was significant and therefore deserves more detailed study and reflection. I. Aksakov was the main mouthpiece for the Slavophiles’ ideas on this issue. According to P. Struve, his writings “were harmoniously imbued with two main motives – ideas: the idea of a free individual and the idea of a self-conscious and affirming people, i.e. the idea of a nation, in which even the freest person cannot but be immersed . . .”¹⁰

In foreign historiography, I. Aksakov’s views are commonly considered nationalistic. However, when referring to the question of the nature and essential features of his nationalism, the researchers are not unanimous. Professor of Cambridge University Alexander Etkind considers Aksakov “one of the leaders of moderate Russian nationalism,”¹¹ while Richard Pipes, a well-known American historian, claims that by the end of his life, this Slavophile had transformed into a paranoid nationalist, an outspoken anti-Semite, and a passionate Pan-Slavist.¹² Finally, Andrzej Walicki, the author of a popular work on the history of Slavophilism in Russia, develops the idea of the variability of I. Aksakov’s views, believing that he “undoubtedly serves as a vivid example of the evolution of Slavophilism in the direction of great-power nationalism and extreme social and political reaction.”¹³ In the context relevant to us, let us note the philosopher’s statement that Aksakov, “like Pogodin . . . sought to ‘Russify’ the empire, completely subordinate the internal policy of the authorities to Russian nationalism . . .” and in doing so, “expressed this desire more clearly than Pogodin could afford to do in the era of Nicholas I.”¹⁴

In Russian historiography, the judgments about I. Aksakov’s views are less categorical, although N. Tsimbaev admits that in general the publicist “adhered to nationalism, recognizing them as Slavophile,” and characterizes his views in 1879–81

⁸ A.I. Narezhnyi and A.T. Urushadze, “Assessment of the assimilation potential of the Russian people in the national social thought of the 19th century” [in Russian], *Bylye gody*, no. 16 (1) (2021): 231–43, <https://doi.org/10.13187/bg.2021.1.231>

⁹ A.A. Teslya, “Nationality debates” [in Russian], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 11, no. 1 (2012): 104.

¹⁰ P.B. Struve, “The Aksakovs and Aksakov” [in Russian], in *Slavophilism: Pro et Contra. Creativity and activities of the Slavophiles in the assessment of Russian thinkers and researchers: An anthology*, comp. V.A. Fateev (St Petersburg: Izdatel'stvo Russkoi Khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2006), 820.

¹¹ A. Etkind, *Internal colonization* [in Russian], trans. V. Makarov (Moscow: NLO, 2013), 254.

¹² R. Pipes, *Russian conservatism and its critics. A Study in political culture* [in Russian], trans. I. Pavlova (Moscow: Fond “Liberal'naya missiya”: Novoe izdatel'stvo, 2008), 175.

¹³ A. Walicki, *In the circle of conservative utopia. Structure and metamorphoses of Russian Slavophilism* [in Russian], trans. R. Dushenko (Moscow: NLO, 2019), 569.

¹⁴ Walicki, *In the circle of conservative utopia*, 571.

as “conservative nationalistic.”¹⁵ This idea of the connection between Slavophilism and Russian nationalism persists in post-Soviet historiography. It is quite definitely expressed in the article by A. Ivanov, A. Kazin, and R. Svetlov, who associate the emergence of Slavophilism with “a new stage in the development of Russian nationalism,” to which the representatives of this trend lent a “moderate liberal character.” The authors of the article believe that “the contribution to the understanding of Russian identity and the development of national self-awareness” was “a great merit of Slavophiles,” including I. Aksakov.¹⁶ V. Kudryashev shares a similar point of view, according to which “Slavophiles can be attributed to the ethnocentric wing of Russian nationalism of the 19th century.”¹⁷

This, frankly speaking, rather vague characteristics of the views of the publicist may be accounted for by the presence in historiography of the point of view originally formulated in 1880 by K. Leont'ev, who described Aksakov as “a gifted, faithful, and unyielding keeper of the treasure bequeathed to him.” Moreover, “this treasure, this hoard, was not found by him, and he puts it into circulation now almost without interest.”¹⁸ A significant contribution of the publicist to the Slavophile theory of society is an exception to this definition. It is recognized in both foreign¹⁹ and domestic literature, where V. Kitaev was the first to point out this circumstance. He believed that in his theoretical ideas, the publicist “was not content with the legacy bequeathed by the older generation of Slavophiles” and supplemented it with “a new category of ‘society’, which acquires the importance of a decisive factor in the proper development of the Russian people.”²⁰ The continuation of this thought is also found in the well-known article by A. Teslya. According to him, it is I. Aksakov assuming the role of the Slavophiles’ “heritage” keeper and interpreter in relation to the current situation who played a “huge part” in the making of Slavophilism as an ideological trend in Russian public thought.²¹

¹⁵ N.I. Tsimbaev, *Slavophilism. From the history of Russian socio-political thought of the 19th century* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1986), 48, 90, 109.

¹⁶ A.A. Ivanov, A.L. Kazin, and R.V. Svetlov. “Russian nationalism: basic milestones of historic re-evaluation” [in Russian], *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 16, is. 4 (2015): 150.

¹⁷ V.N. Kudryashev, “The nationality and the state in the Slavophile doctrine” [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 417 (2017): 109.

¹⁸ K.N. Leont'ev, “G. Katkov and his enemies at the celebration in honor of Pushkin” [in Russian], in *Complete works and letters*, vol. 7, bk. 2, *Sociopolitical essays of 1880. Early scientific works*, ed. V.A. Kotel'nikov (St Petersburg: Vladimir Dal', 2006), 202–03.

¹⁹ Pipes, *Russian conservatism and its critics*, 172.

²⁰ V.A. Kitaev, *19th century: The ways of Russian thought* [in Russian] (Nizhniy Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2008), 155.

²¹ A. Teslya, “Ivan Aksakov and his role in the history of Russian nationalism. To the 190th birthday” [in Russian], *Voprosy natsionalizma*, no. 4 (16) (2013): 197.

Main body

Another component of I. Aksakov’s work, connected with an in-depth analysis of the features of formation and development of the Russian people, is less studied in historiography. According to Aksakov, the condition that the publicist described using the concept of organic force arises in the process of this development. Aksakov interpreted this subject as “very curious and deserving of special study.”²² The historical context of the formation of these views seems significant. In October 1864, Aksakov published the article “Where is the organic force of Russia?” Through this article he got involved in the discussion about the causes of separatist demonstrations in the national outskirts and the factors of the unity of the empire. During the discussion the publicist formulated the thesis that “as the outer cover of the national whole organism, the state can be strong only by internal organic force,” which, in his opinion, is personified in the Russian nationality.²³

A month later, in the work “Conditions of the state unity and strength”, Aksakov clarified his thought, revealing not only the origins but also the “condition of the state unity” in the strength and vitality of the internal organic force. This idea allowed him to identify a clear interdependence between the essential properties of the nationality and its historical destinies. In his opinion, “the right to the historical existence of a well-known people is rooted in the property of its personality, i.e. nationality, and nationality determines all its historical development,” since “the de-nationalized peoples, i.e. those who have wavered in their faith in themselves, in their right to live, in their nationality and in their strength, disappear from the historical stage, die out, degenerate, cease to exist, disappear historically.”²⁴ Aksakov explained such a statement by the fact that the nationality relates to the state “in exactly the same way as any organic force relates to the external structure of its organism” and concluded his thought with a statement of fundamental significance, the essence of which is expressed in the formula “there is no state without a dominant nationality.”²⁵

But the options for its making, according to the publicist, may be different. At an early stage, a nationality may arise, in particular, “from a combination of different tribes,” as demonstrated, according to him, by the French and English nationalities. However, more common practice, according to Aksakov, is the state can incorporate the nationalities that “dissolve by themselves in the dominant nationality, merge with it, assimilate, so to say, or, retaining their type, are lost in the general type of the

²² I.S. Aksakov, “Conditions for the state unity and strength” [in Russian], in *Works of I.S. Aksakov. 1860–1886*, 7 vols., vol. 2 (Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova (byvsh. M.N. Lavrova i K°), 1886–1887), 247.

²³ I.S. Aksakov, “Where is the organic force of Russia? An article in the newspaper *Den'*. October 3, 1864” [in Russian], in *Works of I.S. Aksakov, 1860–1886*, vol. 2, 216.

²⁴ Aksakov, “Conditions for the state unity and strength,” 242, 243.

²⁵ Aksakov, “Conditions for the state unity and strength,” 245, 246, 243.

state.” In his opinion, in Russia to such kind includes “the Bashkir, the Tatars and some tribes of Finnish origin.” However, as the publicist clarified further, “these ingredients” are safe for the state only if they “do not overpower the main element. Otherwise, the state ceases to be what it was: another state or several states would appear, but not the one that existed until then.” Here “everything depends on the inner strength of the most basic element.”²⁶

Aksakov’s attention is also drawn to another situation when “historical fate binds the state to some foreign political bodies.” In this case, they “do not constitute a burden, but quite tightly and firmly adjoin the state” only in the case when they “grow organically to it, get filled with organic unity,” since “no other connection can be reliable.” It is important to note that “the strength of this connection does not depend on the external uniformity of the forms of government, but it depends on the degree of the organic *fusion force* that the state organism possesses.” (Here and further our italics. – autor) In its turn,

the more complete this organism is, the more effective or active in the state its organic principle, i.e. nationality, is, the more attractive it is, the more effective, the more powerful the force of organic fusion is, the easier it is for the weakest political bodies to grow to it, the more tightly they unite into the whole even without special external violent and artificial measures.²⁷

Compliance with these requirements, the essence of which Aksakov reduced to the presence of a certain level of “life force” among the dominant nationality, he found in the Muscovite state, since “before the Petrine coup, all acquisitions and conquests of those times immediately became an inseparable part of it.” Aksakov saw the situation in the imperial period as more complicated. On the one hand, “the abstract state mechanical unity created by Peter has that historical merit in the life of the Russian people that it brought to life the people’s self-awareness, made them comprehend the spiritual essence of its organic principles and appreciate the true meaning of a living, not abstract unity. . .” Aksakov explained the significance of this factor by the fact that “the degree of power of the Russian Empire had always depended and still depended on the degree of participation of the spiritual forces of the Russian people in the external state structure of Russia, on the degree of rapprochement of the government and the people, of the state and ‘the land’,” examples of which he saw in the events of 1812 and partly in 1863.²⁸

²⁶ Aksakov, “Conditions for the state unity and strength,” 246.

²⁷ Aksakov, “Conditions for the state unity and strength,” 247.

²⁸ Aksakov, “Where is the organic force of Russia?,” 219–20.

The essence of Aksakov’s position consists in the conviction that in the face of the negative consequences of Petrine reforms, among which he highlighted “the gap between the educated classes of Russian society and the Russian people,” “only the lining, so to speak, of internal organic force gave and still gives movement and strength to Peter’s state mechanism!” Let us clarify, however, that at the same time the publicist proposed to draw the attention of the society to “those internal ailments that undermine our power, which society does not notice or which it neglects in its patriotic self-deception.”²⁹ At the same time, worth of attention is Aksakov’s expressly objectivist approach to the assessment of the level of civilizational development of Russia. In one of the letters written to his relatives in 1855, he emotionally exclaimed: “How hard, how unbearably hard it is sometimes to live in Russia, in this stinking environment of dirt, vulgarity, lies, deceptions, abuse, good little scoundrels, welcoming bribe-takers, hospitable rogues – fathers and benefactors of bribe-takers!” It is important to note that such image of the country was, in his opinion, “a product of Russian soil” and “all this vileness bears its own Russian character.”³⁰

At the same time, this opinion seems to have little effect on Aksakov’s assessment of the role of the Russian people in building and strengthening the empire. In an editorial in the newspaper *Den'* as of November 1865, he declared the following like a done deal:

Thank God, despite the different newest points of view, in Russia we have one people – the Russians; one nationality – Russian – whose dominance is based not on quantitative force only but mainly on qualitative force.³¹

To a certain extent, this *rather unexpected formula* is in accordance with the earlier statement of his elder brother Konstantin Aksakov, who also found

unity in all its manifestations in the Russian land (people); everywhere the same origin and the same image are fulfilled: language, clothing, social structure, song (content), music (melody), poetic speech (verse), fairy tale, proverb, joke, customs, dance – in a word, everything is imbued with the same spirit.³²

²⁹ Aksakov, “Where is the organic force of Russia?,” 220.

³⁰ I.S. Aksakov, *Ivan Sergeevich Aksakov in his letters* [in Russian], pt. 1, vol. 3 (Moscow: Tip. M.G. Volchaninova, 1892), 205.

³¹ I.S. Aksakov, “An editorial in the newspaper *Den'*. November 13, 1863” [in Russian], in *Works of I.S. Aksakov, 1860–1886*, vol. 2, 49.

³² K.S. Aksakov, “Miscellaneous notes” [in Russian], in *Complete works of Konstantin Sergeevich Aksakov*, vol. 1, *Historical works*, ed. I.S. Aksakov (Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1889), 631.

It should be noted that in this case I. Aksakov is not entirely original in his judgment. The statement about the Russian Empire as a Russian state can also be found in the works of other representatives of various schools of social thought. In particular, this idea was expressed in one of A. Herzen’s letters, where he claimed that

the ugliest government in the world, foreign in spirit, fashioned out of the flabby Muscovite state a forged empire from the Baltic Sea to the Pacific Ocean, a *purely Russian* empire, much more Russian than the government.³³

And then, actually in unison with K. Aksakov, Herzen explained that

except for its outskirts, Russia represents a continuous unity, similar in blood, in language, and in spirit. Every Russian is aware of themselves as a part of the whole state, is aware of their kinship with the entire population, brought up in the same rural way of life, with their own communal order and division of fields.³⁴

P. Struve, a well-known liberal public figure, also fully agreed with this characterization, stating that “Russia is a national state.” In his opinion, “the Russian tribes were shifted into a single state partly by internal cohesion and partly by external pressure, and in that state they fused into a single nation.” However, that was only the beginning of the process, the above-mentioned “national core state” further grew by expansion, in the process of which “it captured foreign elements into its sphere of influence.” Describing the connection of these elements “with the Russian state national core,” Struve explains that in some cases this connection is “purely or predominantly of a state nature; in other cases, state and cultural, in its final development reaching complete assimilation, Russification of “foreigners.” Thus, Struve concluded, that the Russian state had turned into a state that “being multi-ethnic, at the same time possessed national unity.”³⁵

It is quite natural that these statements raise many questions, since they record seemingly prosperous state of affairs and the complete unity of the peoples within the empire, although they do not contain any justification for this position. While Struve actually avoided discussing the role of the Russian people in this process, pointing out the close connection between state and national development that consisted in the

³³ A.I. Gertsen, “Russia and Poland” [in Russian], in *Collected works*, ed. V.P. Volgin; et al., vol. 14, *Articles from the Kolokol and other works of 1859–1860*, ed. Yu.G. Oksman (Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958), 46.

³⁴ Gertsen, “Russia and Poland,” 20.

³⁵ P.B. Struve, “Great Russia and Holy Rus” [in Russian], *Russkaya mysl'*, bk. 12 (1914): 176–77.

fact that “a nation was formed and strengthened in the state and the state was consolidated and expanded by the nation,”³⁶ I. Aksakov’s conclusion is based on another concept of the development of Russian statehood. This prompts the publicist to turn to the question of the interaction of various peoples of Russia and, in particular, to the statement that the dominance of the Russian nationality in the state is based, among other things, on “qualitative force,” which, as it can be understood, means Russian people’s assimilation capacity.

The theoretical basis of Aksakov’s position lies in the belief that “in every historical phenomenon there is an inner force that brought it into existence; in every political organism there is a basic element, which helps it be, live, and move.” According to the publicist, when the Russian state was formed, “the Great Russian tribe” was such an element, which “gave life to this organism, gives, and can give.”³⁷ Assessing the principles of its relationship and interaction with other tribes and peoples, Aksakov followed the position that “there is no state without a dominant nationality” that had developed historically, among other things, through a “combination of different tribes.” Determining the perspectives of each of them, he came to the conclusion that

these nationalities either dissolve on their own into the dominant nationality, merge with it, so to speak, assimilate, or, retaining their type, they get lost in the general state type, completely harmless both due to their relative small number and due to the absence of internal strength in them.³⁸

In the first case, I. Aksakov considered assimilation as a process “of assimilation of one nationality to another,” clarifying its essence by the spontaneous nature of such interaction, which occurs without any external impact. The author highlighted this circumstance, emphasizing that they both dissolve and merge with each other “by themselves.” Thus, in this case we are talking about the facts of spontaneous interaction, which, however, does not remove the question of the presence of certain factors of influence, the most important of which, according to the publicist, “depends on the force of the basic element,” that is, the leading nationality.³⁹

Referring to the characterization of the sources of this force, I. Aksakov refused to accept “as an immutable rule” the popular theses that a nation devoid of political organization, when confronted with such, necessarily “obeys and is absorbed by it” or that the reason for the predominance “was certainly the highest level of education or

³⁶ Struve, “Great Russia and Holy Rus,” 176.

³⁷ I.S. Aksakov, “Petersburg or Kiev? The newspaper *Den'*. November 17, 1862 g.” [in Russian], in *Works of I.S. Aksakov, 1860–1886*, vol. 2, 77.

³⁸ Aksakov, “Conditions for the state unity and strength,” 246.

³⁹ Aksakov, “Conditions for the state unity and strength,” 246–47.

culture” of the dominant nationality, or, finally, in the power of “management techniques.”⁴⁰ It is not difficult to notice that these factors reflect the external conditions of peoples’ lives. Aksakov did not dispute their significance but did not analyze them in relation to the process of Russian history.

I. Aksakov was much more attracted to the study of the internal state of peoples because, in his opinion, the most significant factor of national influence consists in the moral and spiritual elements of each nationality. At the same time, what appears quite unexpected is Aksakov’s intention to find this factor “in the very attitude of the people to their nationality, in the greater or lesser development of national consciousness, in the self-esteem, in the sense of personal dignity, in the opinion that they have about themselves, in the often unaccountable faith that they keep in themselves, in their own moral forces, in their historical vocation.” The publicist was sure that only when “faith in oneself, in one’s nationality, in the truth of one’s principles is stronger than the faith of another,” the people is able to subordinate another people to its moral influence “by the natural course of life without any special violent and artificial measures.” It is natural that when the question is put this way, the factor of “faith in oneself” acts as the main condition for justifying the claims of the people to the dominant status in the state. At the same time, I. Aksakov’s further reflections on the theory reveal a somewhat applied nature of this theory, which is found in the statement that “no nation in the world represents such a whole living organism as the Russian, no one, perhaps, is gifted with such a wealth of forces and such a power of natural organic fusion and attraction.” As a result, the feeling of “faith in oneself” is supplemented by the idea of undoubted abilities to “cohabit” with other peoples and the “integrity” of the Russian people, who are destined to play an important role in I. Aksakov’s concept.⁴¹

It should be noted that in accordance with the common practice of the nineteenth-century domestic thought, Aksakov used the definition of “people” in “broad and narrow” senses. In the first case, this means “the entire population of a certain country, representing moral and physical integrity, unity of origin and tradition, a single common type – physical and spiritual” as well as “all estates, all social levels, from the tsar to the last peasant. . .”⁴² According to Aksakov, this is how the Russian people lived in the era of the Tsardom of Muscovy, when unconditional faith in themselves and their vocation allowed them not only to form a state but also to supplement its political unity with internal unity, since “all the acquisitions and

⁴⁰ Aksakov, “Conditions for the state unity and strength,” 247–48.

⁴¹ Aksakov, “Conditions for the state unity and strength,” 248, 249, 251.

⁴² I.S. Aksakov, “People, state, society” [in Russian], in *Our banner is the Russian people* (Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2008), 74.

conquests of Rus *of the time* became Russian by themselves – immediately became its inseparable part.”⁴³

Thus, the historical period until the end of the 17th century is estimated by I. Aksakov as the “golden age” in the assertion of the unconditional predominance of the Russian people in a number of tribes and nationalities within the Tsardom of Muscovy. Let us point out the fact that this statement appears to Aksakov to be such common knowledge that it is not accompanied by any detailed argumentation. He did not refer to the considerations of Russian historians in order to confirm this thesis, although he was an educated person and was certainly familiar with the works by N. Karamzin and K. Kavelin and with the contents of the discussion of K. Aksakov and S. Solovyov on the history of Russia. A possible explanation for this position is that the peculiarities of the development of the Russian people and the Russian state in the pre-imperial period are of interest to I. Aksakov only as much as they could be used to explain the negative development of the situation at a new stage of development.

According to the Aksakov’s concept, the turning point was the beginning of the 18th century, when the effect of the qualitative force of the Russian people “was temporarily suspended by Petrine reform.” In the opinion of the publicist, only “an abstract mechanical state unity”⁴⁴ could be observed in the state after that. The above thesis was intended to record the decline in the assimilation capacity of the Russian people and its influence in the life of the imperial state. Aksakov found the symptoms of this in the loss of inner unity and, accordingly, in the fall in self-esteem and self-belief, which was expressed in the fact that

the Russian people constantly seeks support in the public opinion of Europe, seeking their favor either through a low renunciation of its own principles or through humble and humiliating silence.⁴⁵

Assessing the consequences of such behavior, I. Aksakov stated that they affect the status of the people inside the country, where they “lose the power to transform foreigners into their organic essence and succumb and obey the strongest faith of another people.”⁴⁶

The author begins the analysis of the causes of the current situation by reflection on the state of the inner faith of the people. To understand Aksakov’s position, one should take into account the publicist’s belief that at this stage the very concept

⁴³ Aksakov, “Where is the organic force of Russia?,” 219.

⁴⁴ Aksakov, “Where is the organic force of Russia?,” 219.

⁴⁵ I.S. Aksakov, “Slavic review. The newspaper *Den'*. October 1, 1861” [in Russian], in *Works of I.S. Aksakov, 1860–1886*, vol. 2, 3.

⁴⁶ Aksakov, “Conditions for the state unity and strength,” 248, 249.

“people” loses its universal character, since now it means “in a narrow sense” only “that multitude of people who live a direct life and, like a grain, concentrate in themselves all organic force, all development of the organism.” According to the publicist, it is this simple people “that keeps in itself the whole future of the upcoming feat, the development of its spiritual peculiarity and its type.”⁴⁷ Such an approach destroys the idea of the former “wholeness” of the people, since it leaves its most advanced component in educational and cultural senses behind the boundaries of the new definition, thereby creating ambiguity in the question of the carriers and keepers of the inherent properties and qualities of the people.

An attempt to resolve these problems was made by I. Aksakov in the series of articles “On Mutual Relationship of the People, State and Society” published in early 1862 in the newspaper *Den'*. In these articles, the author formulated a number of fundamental provisions. In particular, he questioned the modernization potential of autocracy and opposed it with intellectual power embodied the society, for the characterization of which he used various definitions, including the most common one in historiography: “society is the people at the second stage of its development, the self-conscious people.” As the author explained, society is “the cumulative activity of living forces emitted by the people” that is formed “from people of all estates and fortunes . . . connected by a certain general level of education”; it must be “constantly refreshed and renewed by a new influx of forces from the people.” Finally, the power of society “as a non-political phenomenon is the moral force, the power of “public opinion.”⁴⁸

Thus, as understood by I. Aksakov, society is not the whole people “at the second stage of development” but only a part of it. The criterion for identifying it is determined by a “certain level” of education that is understood more broadly than the possession of a certain amount of knowledge and skills. Based on this clarification, more clarity can be found in the publicist’s idea about the reasons why “the faith in their nationality “trembled” in Russian society (not in the material force of the people, but in its origins), self-doubt appeared as well as doubt in their vocation, in their moral right to independent spiritual development; the sense of their own national (but not political) dignity withered, self-respect weakened, and some kind of spiritual subservience to the authority of Western Europe crept into the soul.” Aksakov explained the identified “fall of faith” among the representatives of the educated society as follows: “We are split in ourselves, internally; we suffer from some kind of moral duality, and our social spiritual organism cannot boast of either integrity or strength.” As a result, “as a society, we show a lack of spiritual integrity

⁴⁷ Aksakov, “People, state, society,” 74.

⁴⁸ I.S. Aksakov, “On mutual relationship of the people, state and society” [in Russian], in *Works of I.S. Aksakov, 1860–1886*, vol. 2, 31, 33, 37–39.

and organic force.”⁴⁹ It is fundamentally important that this conclusion implies the society that is clearly opposed to the common people.

The problems noted by the author in the development of society are historically connected with the stage of Russian statehood when historical fate “connects the state with foreign political bodies,” by which he understood “areas with a politically established society” included in the already existing state. It is curious that the establishment of a strong connection with these peoples, according to Aksakov, in the same way as it was earlier, “does not depend on the external uniformity of forms of government” but depends on “the organic *fusion force* that the state organism possesses” as well as on the activity of the “organic principle” of the state embodied in the leading nationality. Noteworthy is the fact that now the publicist’s subject of faith changes. At the first stage it was the people, and now Aksakov turned his hopes to the state, since the Russian educated society, as it turns out, “has no faith.” According to the publicist, this is “the main condition of our social weakness,” as negative developments in the self-consciousness of the Russian people showed.⁵⁰

In this regard, let us note a curious contradiction in the views of I. Aksakov associated with the emergence and characteristics of Russian society. The fact is that attributing the date of its origin to the time of the appearance of the print media and, accordingly, public opinion in the country does not allow us to determine it earlier than the beginning of the 19th century. At the same time, Aksakov explained the peculiarities of the self-consciousness of the Russian people in the 18th century by the behavior and position of representatives of the society that had not yet existed in the form stated above. A possible explanation for this contradiction is that the publicist had another version of the development of the Russian people in the conditions of the socio-cultural rift of Petrine transformations. According to it, the culprit of the negative scenario in the development of people’s self-consciousness was the ruling class. Aksakov accused its representatives of Europeanization and, accordingly, of acquiring the traits of non-nationality.

The arguments used by the author can be considered as a confirmation of the validity of this approach. In particular, the publicist considered mass departure of the representatives of Russian elite to Europe to be the most visible manifestation of the identified negative traits. According to him, in 1860 alone, the number of emigrants was 275 thousand. The publicist was particularly displeased with the existing practice to send children to study abroad. In particular, he ironically noted that

⁴⁹ I.S. Aksakov, “What is the inadequacy of Russian patriotism?” [in Russian], in *Works of I.S. Aksakov, 1860–1886*, vol. 2, 222, 226.

⁵⁰ Aksakov, “Conditions for the state unity and strength,” 246, 247, 251–52.

Gentle parents steal nationality from their Russian child without ceremony and assure themselves and the others that they are training independent figures and useful citizens, imagine that they are doing their duty, making a sacrifice while staying abroad.⁵¹

In fact, I. Aksakov believed that “they were bringing up . . . cosmopolitans with a Pan-European-official physiognomy and soul, without nationality, without fatherland, without church . . .” Assessing the consequences of such a policy, he asks a rhetorical question:

Will these Russians who are prepared for us by the dementia of caring Russian parents abroad . . . be able to Russify the Polonized natives of the Western lands, cope with the pressure of Germanism, revive Russian society to independent moral activity, restore the union of society with the people, become representatives of the Russian people, and revive Russia with new spiritual forces, the forces of the enlightened Russian nationality, without which all its material might is dead and fruitless?⁵²

Justifying the negative answer to his question, Aksakov pointed out that as a result of this situation, the self-consciousness of the Russian nationality suffered, which, in turn, had the most adverse effect on its assimilation potential. For him, the validity of this thesis could be illustrated by unsuccessful attempts to Russify the foreign peoples of the empire in the 19th century, in particular, the results of the activities of the government officials who were engaged in Russification of “non-Russian, or not quite Russian outskirts of the Russian Empire”⁵³ after the January Uprising in Poland.

Aksakov’s final conclusion boils down to a paradoxical statement: “To turn others into Russians, one must be Russian, and there are no Russians among us.” The addressee of this claim is also clear, since, in the author’s opinion, the common people remain “undoubtedly and unshakably Russian.” However, the publicist lamented, “Without the highest conscious activity of the national spirit, the national character of the masses is not reliable.”⁵⁴ Aksakov connected their absence with a false, or at least one-sided understanding of “the idea of state unity and the very task

⁵¹ I.S. Aksakov, “What is the strength of the nationality? An editorial in the newspaper *Den*. March 10, 1863” [in Russian], in *Works of I.S. Aksakov, 1860–1886*, vol. 2, 93, 94.

⁵² Aksakov, “What is the strength of the nationality?,” 94, 95.

⁵³ I.S. Aksakov, “Why is Russia so little capable of Russifying its outskirts?” [in Russian], in *Works of I.S. Aksakov, 1860–1886*, vol. 2, 379.

⁵⁴ Aksakov, “What is the strength of the nationality?,” 92, 93.

of Russification” as well as a set of external and internal conditions “of our state and social development in the so-called St Petersburg period of our history.”⁵⁵

Explaining his idea, the publicist noted that the external state unity is “an indispensable logical conclusion from the internal integrity,” since this idea of state unity in itself “cannot create any lasting unity,” as he cited the example of Austria.⁵⁶ It is also a weak consolation for him that other Slavic peoples turned out to be quite easily subject to external influence, since against such a background the Russians look even worse.⁵⁷ Returning to the tasks in Russia, the publicist declared that if set “as a purely state task, artificial or forced identification of foreigners with the national historical type that gave rise to a certain state would not achieve the goal and would be powerless unless there were other moral and purely social forces in action.” In his opinion, if the people’s mechanism were still “full of life and strength” in our country, the task “would be to help outskirts become Russian by themselves rather than make them Russian using some external means.” A necessary condition for the implementation of such a paradoxical action, according to him, consists in the achievement of such a state “that the power of Russification would be flowing in a mighty and natural stream from our national self-consciousness, from our undoubted faith in the right and recognition of our people.” Otherwise, concluded I. Aksakov, “if the feeling of nationality is weak or distorted in us, no abstract political motives will give us the ability to become Russian.”⁵⁸ Assessing the consequences of such a situation, he stated that the decline in the influence of the dominant nationality inevitably affects the state, since “the action of the organic principle is weakened in it . . . the fusion force is weakened, all ties are weakened.” As a result, “despite all its outward grandeur and brilliance, the state is weakening, drooping, and is not able to retain those parts attached to it that are only held by an external force nor those that apparently have grown organically into it.”⁵⁹

Conclusion

When considering the assimilation potential of the Russian people, the property that I. Aksakov also referred to as “assimilation capacity” and “qualitative force”, the publicist distinguished two stages. The first of them dates back to the times of Kievan Rus and the Tsardom Muscovy and, according to Aksakov, was marked by the unity of the people, their “unshakable faith” in themselves and their mission. As a result, the Great Russian nationality largely realized its assimilation potential, united

⁵⁵ E.B. Fursova, *I.S. Aksakov: Apologia of nationality and autocracy* [in Russian] (Moscow: Sotsial’no-politicheskaya mysl’, 2006), 380.

⁵⁶ Aksakov, “Why is Russia so little capable of Russifying its outskirts?,” 380.

⁵⁷ Aksakov, “What is the strength of the nationality?,” 92.

⁵⁸ Aksakov, “Why is Russia so little capable of Russifying its outskirts?,” 381.

⁵⁹ Aksakov, “Conditions for the state unity and strength,” 248–49.

numerous tribes and nationalities within a single Russian state, and thereby complemented the political unity of the state with its internal unity.

In the imperial period, which I. Aksakov considered as a new stage in the development of the state and society, the assimilation capacity of the Russian people did not get stronger but became weaker. He found the reason for this situation in the fact that at this stage the unity of the state is considered as a purely political, external problem, while the previously existing opportunities for internal unity were destroyed due to the sociocultural split of the Russian people as a result of Petrine reforms. At the same time, the representatives of the ruling elite and then of the Russian society first lost their national traits and then their faith in the potential of the Russian people. Ultimately, it led not only to a significant weakening of the state itself but also to a significant decrease in the national self-awareness of the people, its ability to realize its role as a bearer of the function of supporter and guardian of the Russian statehood. I. Aksakov’s weak hope in relation to the future was based only on the fact that, in his opinion, “despite the abstractness of the centralization created by Peter, despite the separation of the center of power from with the heart of the Russian land, only the lining, so to say, of internal organic force had given and still gave momentum and strength to Petrine state mechanism!”⁶⁰ It seems that such a result of the study of the state and prospects for the development of the Russian people by I. Aksakov looks unfinished. Having formulated the concept of the steady decline of its assimilation potential, the publicist refuses to predict the final outcome of this process, in fact, transferring the fate of the multinational empire into the hands of the educated part of society, which he describes as the main culprit in the extinction of the “organic force” of the Russian people. However, this uncertainty is accompanied by the publicist’s moderate optimism, the grounds for which seem to be in need of additional justification.

Список литературы

Аксаков И.С. В чем недостаточность русского патриотизма? // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886: в 7 т. Москва: Типография М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887. Т. 2. С. 218–225.

Аксаков И.С. В чем сила народности? Передовая статья в газете «День». 10 марта. 1863 г. // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886: в 7 т. Москва: Типография М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887. Т. 2. С. 89–96.

Аксаков И.С. Где органическая сила России? Статья в газете «День». 3 октября. 1864 г. Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886: в 7 т. Москва: Типография М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887. Т. 2. С. 211–220.

⁶⁰ Aksakov, “Where is the organic force of Russia?,” 220.

Аксаков И.С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: в 2 ч. Ч. 1, т. 3. Москва: Типография М.Г. Волчанинова, 1892. 513 с.

Аксаков И.С. Народ, государство, общество // И.С. Аксаков. Наше знамя – русская народность. Москва: Институт русской цивилизации, 2008. С. 67–100.

Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886: в 7 т. Москва: Типография М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887. Т. 2. С. 26–59.

Аксаков И.С. Отчего Россия так мало способна к обрусению своих окраин? // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886: в 7 т. Москва: Типография М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887. Т. 2. С. 379–387.

Аксаков И.С. Передовая статья газеты «День». 13 ноября 1865 г. // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886: в 7 т. Москва: Типография М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887. Т. 1. С. 44–50.

Аксаков И.С. Петербург или Киев? Газета «День». 17 ноября 1862 г. // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886: в 7 т. Москва: Типография М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887. Т. 2. С. 72–80.

Аксаков И.С. Славянский обзор. Газета «День». 1 октября 1861 г. // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886: в 7 т. Москва: Типография М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887. Т. 1. С. 3–9.

Аксаков И.С. Условия государственного единства и силы // Сочинения И.С. Аксакова. 1860–1886: в 7 т. Москва: Типография М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887. Т. 2. С. 244–253.

Аксаков К.С. Разные отдельные заметки // Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 1: Сочинения исторические / под редакцией И.С. Аксакова. Москва: Университетская типография, 1889. С. 625–632.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания: в 3 т. / перевод с немецкого под редакцией А.С. Ерусалимского. Москва: ОГИЗ, 1940. Т. 1. 383 с.

Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / перевод с польского К. Душенко. Москва: НЛЮ, 2019. 704 с.

Герцен А.И. Россия и Польша // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. / редакционная коллегия: В.П. Волгин (главный редактор) и др. Т. 14: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859–1860 годов / редактор Ю.Г. Оксман. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. 701 с.

Иванов А.А., Казин А.Л., Светлов Р.В. Русский национализм: основные вехи исторического осмысления // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, вып. 4. С. 143–157.

Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2008. 355 с.

Кудряшев В.Н. Народность и государство в славянофильской доктрине (1840–1880-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 103–109.

Лассаль Ф. Итальянская война и задачи Пруссии. Голос из демократии // Лассаль Ф. Сочинения. Санкт-Петербург: В.В. Чуйко, 1882. 147 с.

Леонтьев К.Н. Г. Катков и его враги на празднике Пушкина // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7, кн. 2: Публицистика 1880 года. Ранние научные работы / под редакцией В.А. Котельникова. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2006. 1019 с.

Нарежньий А.И., Урушадзе А.Т. Оценка ассимиляционного потенциала русского народа в отечественной общественной мысли XIX в. // Былые годы. 2021. № 16 (1) С. 231–243. DOI: 10.13187/bg.2021.1.231

Пайнс Р. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры / перевод с английского И. Павловой. Москва: Фонд «Либеральная миссия»: Новое издательство, 2008. 252 с.

Плеханов Г.В. Фердинанд Лассаль // Плеханов Г.В. Сочинения: в 24 т. Москва: Государственное издательство, 1925–1927. Т. 4. С. 5–53.

Слонимский Л. Национализм в политике // Вестник Европы. Ноябрь 1889. Кн. 11. С. 281–301.

Струве П.Б. Аксаковы и Аксаков // Славянофильство: Pro et Contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / составитель В.А. Фатеев. Санкт-Петербург: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2006. 1054 с.

Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 176–180.

Тесля А.А. Дебаты о народности // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 99–119.

Тесля А. Иван Аксаков и его роль в истории русского национализма. К 190-летию со дня рождения // Вопросы национализма. 2013. № 4 (16). С. 196–204.

Фурсова Е.Б. И.С. Аксаков: Апология народности и самодержавия. Москва: Социально-политическая мысль, 2006. 243 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / перевод с английского А.А. Васильева. Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 305 с.

Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. Москва: Издательство Московского университета, 1986. 269 с.

Шевченко М.М. А.А. Комзолова. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005 // Русский Сборник: исследования по истории России / редакторы-составители: О.Р. Айрапетов и др. Т. XV: Польское восстание 1863 г. Москва: Модест Колеров, 2013. С. 454–462.

Эткинд А. Внутренняя колонизация / перевод с английского В. Макарова. Москва: НЛЮ, 2013. 448 с.

References

Aksakov, I.S. “Gde organicheskaya sila Rossii? Stat'ya v gazete ‘Den’. 3 oktyabrya. 1864 g.” [Where is the organic force of Russia? An article in the newspaper *Den'*. October 3, 1864]. In *Sochineniya I.S. Aksakova. 1860–1886* [Works of I.S. Aksakov, 1860–1886], 7 vols., vol. 2, 211–20. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova (byvsh. M.N. Lavrova i K°), 1886–1887. (In Russian)

Aksakov, I.S. *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh* [Ivan Sergeevich Aksakov in his letters], 2 pts., pt. 1, vol. 3. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova, 1892. (In Russian)

Aksakov, I.S. “Narod, gosudarstvo, obshchestvo” [People, state, society]. In I.S. Aksakov, *Nashe znatya – russkaya narodnost'* [Our banner is the Russian people], 67–100. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2008. (In Russian)

Aksakov, I.S. “O vzaimnom otnoshenii naroda, gosudarstva i obshchestva” [On mutual relationship of the people, state and society]. In *Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1886* [Works of

I.S. Aksakov, 1860–1886], 7 vols., vol. 2, 26–59. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova (byvsh. M.N. Lavrova i K°), 1886–1887. (In Russian)

Aksakov, I.S. “Otchego Rossiya tak malo sposobna k obruseniyu svoikh okrain?” [Why is Russia so little capable of Russifying its outskirts?]. In *Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1886* [Works of I.S. Aksakov, 1860–1886], 7 vols., vol. 2, 379–87. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova (byvsh. M.N. Lavrova i K°), 1886–1887. (In Russian)

Aksakov, I.S. “Peredovaya stat'ya gazety ‘Den’. 13 noyabrya 1865 g.” [An editorial in the newspaper *Den'*. November 13, 1863]. In *Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1886* [Works of I.S. Aksakov, 1860–1886], 7 vols., vol. 2, 44–50. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova (byvsh. M.N. Lavrova i K°), 1886–1887. (In Russian)

Aksakov, I.S. “Peterburg ili Kiev? Gazeta ‘Den’. 17 noyabrya 1862 g.” [Petersburg or Kiev? The newspaper *Den'*. November 17, 1862]. In *Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1886* [Works of I.S. Aksakov, 1860–1886], 7 vols., vol. 2, 72–80. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova (byvsh. M.N. Lavrova i K°), 1886–1887. (In Russian)

Aksakov, I.S. “Slavyanskii obzor. Slavyanskii obzor. Gazeta ‘Den’. 1 oktyabrya 1861 g.” [Slavic review. The newspaper *Den'*. October 1, 1861]. In *Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1886* [Works of I.S. Aksakov, 1860–1886], 7 vols., vol. 2, 218–25. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova (byvsh. M.N. Lavrova i K°), 1886–1887. (In Russian)

Aksakov, I.S. “Usloviya gosudarstvennogo edinstva i sily” [Conditions for the state unity and strength]. In *Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1886* [Works of I.S. Aksakov, 1860–1886], 7 vols., vol. 2, 244–53. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova (byvsh. M.N. Lavrova i K°), 1886–1887. (In Russian)

Aksakov, I.S. “V chem nedostatochnost' russkogo patriotizma?” [What is the inadequacy of Russian patriotism?]. In *Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1886* [Works of I.S. Aksakov, 1860–1886], 7 vols., vol. 2, 218–25. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova (byvsh. M.N. Lavrova i K°), 1886–1887. (In Russian)

Aksakov, I.S. “V chem sila narodnosti? Peredovaya stat'ya v gazete ‘Den’. 10 marta. 1863 g.” [What is the strength of the nationality? An editorial in the newspaper *Den'*. March 10, 1863]. In *Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1886* [Works of I.S. Aksakov, 1860–1886], 7 vols., vol. 2, 89–96. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova (byvsh. M.N. Lavrova i K°), 1886–1887. (In Russian)

Aksakov, K.S. “Raznye otdel'nye zametki” [Miscellaneous notes]. In *Polnoe sobranie sochinenii Konstantina Sergeevicha Aksakova* [Complete works of Konstantin Sergeevich Aksakov], vol. 1, *Sochineniya istoricheskie* [Historical works], edited by I.S. Aksakov, 625–32. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1889. (In Russian)

Bismarck, O. *Mysli i vospominaniya* [Thoughts and memories], 3 vols., vol. 1, translation from German edited by A.S. Erusalimskii. Moscow: OGIZ, 1940. (in Russian)

Etkind, A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya* [Internal colonization]. Translated from English by V. Makarov. Moscow: NLO, 2013. (In Russian)

Fursova, E.B. *I.S. Aksakov: Apologiya narodnosti i samoderzhaviya* [I.S. Aksakov: Apologia of nationality and autocracy]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2006. (In Russian)

Gertsen, A.I. “Rossiya i Pol'sha” [Russia and Poland]. In *Sobranie sochinenii* [Collected works], 30 vols., edited by V.P. Volgin; et al., vol. 14, *Stat'i iz “Kolokol” i drugie proizvedeniya 1859–1860 godov* [Articles from the *Kolokol* and other works of 1859–1860], edited by Yu.G. Oksman. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. (In Russian)

Hobsbawm, E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and nationalism since 1780]. Translated from English by A.A. Vasil'ev. St Petersburg: Aleteiya, 1998. (In Russian)

Ivanov, A.A, A.L. Kazin, and R.V. Svetlov. “Russkii natsionalizm: osnovnye vekhi istoricheskogo osmysleniya” [Russian nationalism: basic milestones of historic re-evaluation]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 16, is. 4 (2015): 143–57. (In Russian)

Kitaev, V.A. *XIX vek: puti russkoi mysli* [19th century: The ways of Russian thought]. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2008. (In Russian)

Kudryashev, V.N. “Narodnost' i gosudarstvo v slavyanofil'skoi doktrine (1840–1880-e gg.)” [The nationality and the state in the Slavophile doctrine]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 417 (2017): 103–09. (In Russian)

Lassalle, F. “Ital'yanskaya voina i zadachi Prussii. Golos iz demokratii” [The Italian War and the tasks of Prussia. A voice from democracy]. In *Sochineniya* [Works]. St Petersburg: V.V. Chuiko, 1882. (In Russian)

Leont'ev, K.N. “G. Katkov i ego vragi na prazdnike Pushkina” [G. Katkov and his enemies at the celebration in honor of Pushkin]. In *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters], vol. 7, bk. 2, Publitsistika 1880 goda. Rannie nauchnye raboty [Sociopolitical essays of 1880. Early scientific works], edited by V.A. Kotel'nikov. St Petersburg: Vladimir Dal', 2006. (In Russian)

Narezhnyi, A.I., and A.T. Urushadze “Otsenka assimilyatsionnogo potentsiala russkogo naroda v otechestvennoi obshchestvennoi mysli XIX v.” [Assessment of the assimilation potential of the Russian people in the national social thought of the 19th century]. *Bylye gody*, no. 16 (1) (2021): 231–43. <https://doi.org/10.13187/bg.2021.1.231> (In Russian)

Pipes, R. *Russkii konservatizm i ego kritiki. Issledovanie politicheskoi kul'tury* [Russian conservatism and its critics. A Study in political culture]. Translated from English by I. Pavlova. Moscow: Fond “Liberal'naya missiya”: Novoe izdatel'stvo, 2008. (In Russian)

Plekhanov, G.V. “Ferdinand Lassal” [Ferdinand Lassalle]. In *Sochineniya* [Works], 24 vols., vol. 4, 5–53. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925–1927. (In Russian)

Shevchenko, M.M. “A.A. Komzolova. Politika samoderzhaviya v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikikh reform” [The policy of autocracy in Northwestern Krai in the era of the Great Reforms]. In *Russkii Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii* [A Russian collection: Studies on the history of Russia]. Edited by O.R. Airapetov; et al. Vol. 15, Pol'skoe vosstanie 1863 g. [The January Uprising of 1863], 454–62. Moscow: Modest Kolerov, 2013. (In Russian)

Slonimskii, L. “Natsionalizm v politike” [Nationalism in politics]. *Vestnik Evropy*, bk. 11 (November 1889): 281–301. (In Russian)

Struve, P.B. “Aksakovy i Aksakov” [The Aksakovs and Aksakov]. In *Slavyanofil'stvo: Pro et Contra. Tvorchestvo i deyatel'nost' slavyanofilov v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei: Antologiya* [Slavophilism: Pro et Contra. Creativity and activities of the Slavophiles in the assessment of Russian thinkers and researchers: An anthology], compiled by V.A. Fateev. St Petersburg: Izdatel'stvo Russkoi Khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2006. (In Russian)

Struve, P.B. “Velikaya Rossiya i Svyataya Rus” [Great Russia and Holy Rus]. *Russkaya mysl'*, bk. 12 (1914): 176–80. (In Russian)

Teslya, A.A. “Debaty o narodnosti” [Nationality debates]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 11, no. 1 (2012): 99–119. (In Russian)

Teslya, A. “Ivan Aksakov i ego rol' v istorii russkogo natsionalizma. K 190-letiyu so dnya rozhdeniya” [Ivan Aksakov and his role in the history of Russian nationalism. To the 190th birthday]. *Voprosy natsionalizma*, no. 4 (16) (2013): 196–204. (In Russian)

Tsimbaev, N.I. *Slavyanofil'stvo. Iz istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XIX veka* [Slavophilism. From the history of Russian socio-political thought of the 19th century]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1986. (In Russian)

Walicki, A. *V krugu konservativnoi utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the circle of conservative utopia. Structure and metamorphoses of Russian Slavophilism]. Translated from Polish by K. Dushenko. Moscow: NLO, 2019. (In Russian)

Информация об авторе

Анатолий Иванович Нарезный – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-0543-2422>, ain@sfedu.ru, Южный научный центр РАН, Южный федеральный университет (344006 Россия, Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, 41).

Information about the author

Anatolii I. Narezhnyi – Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher, <https://orcid.org/0000-0002-0543-2422>, ain@sfedu.ru, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Southern Federal University (41, pr-t Chekhova, Rostov-on-Don, 344006, Russia).

Статья поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 27.06.2022.

The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 27.06.2022.